

Геннадий Чергизов

= С В В А У Л Ш – 77 =

Ставропольское Высшее Военное
Авиационное Училище Лётчиков
и Штурманов – выпуск 1977г.

2022 г.

12+

Геннадий Чергизов

СВВАУЛШ-77

«Автор»

2022

Чергизов Г.

СВВАУЛШ-77 / Г. Чергизов — «Автор», 2022

Воспоминания об учёбе в военном лётном училище. О курсантской жизни, о друзьях-товарищах. О первом знакомстве с авиацией. О первом полёте.

© Чергизов Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть – 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Геннадий Чергизов

СВВАУЛШ-77

Часть – 1

Первый курс

Глава- 1

Приёмник – Поступление

Уже заканчивается июнь 1973 года, а вызова мне из училища всё нет. А ведь жду я уже практически год, потому как в 1972 году, когда я окончил десять классов, было мне 16 лет, а в лётные училища принимали с 17. Проблемы выбора, куда поступать после окончания школы, у меня не было. Ещё в мелком возрасте я собрался идти «в лётчики». Написал письмо в «Комсомольскую Правду», но мне в ответ прислали «Условия приёма в военные училища», где русским по белому было написано, что ... ждать мне ещё целый год.

И вот, уже где-то в феврале семьдесят третьего прошёл я в военкомат нашего Старопромысловского района города Грозного проходить медицинскую комиссию для поступления в училище. Сначала районную, потом областную. Всё вроде прошёл нормально. Была только небольшая проблема с носом – в седьмом классе занимался я в секции классической борьбы и как-то на тренировке «сломал» себе нос. С тех пор имел «искривление носовой перегородки». Само по себе, это не было препятствием, врачи пропускали, но кто его знает, как дальше. В военкомате стал выбирать, в какое именно училище поступать. Почему-то привлекло меня Черниговское, но капитан, который занимался такими как я, сказал, что у них разрядка только в Ставропольское. Что это за училище, я понятия не имел. Да ещё какое-то ПВО. Да и как-то слишком близок Ставрополь от Грозного, а мне почему-то подальше хотелось уехать. Но, делать нечего, написал я, то ли заявление, то ли рапорт о желании поступить в СВВАУЛШ ПВО – Ставропольское Высшее Военное Училище Лётчиков и Штурманов Противовоздушной Обороны, на лётное отделение. И сказал мне тогда капитан, чтобы я ждал вызова.

Муторно ждать целый год. Успел я в семьдесят втором году в Казахстане на «шабашке» поработать, и в этом году поработал геофизической партии в дагестанских степях в сейсморбригаде, и во взрывбригаде. Успел ещё раз на «шабашку» смотаться, на этот раз в Саратовскую область. Не мог я дома сидеть и вызова ждать, зудело у меня в одном месте. С этой «шабашки» сбегать пришлось, отец не хотел, чтобы я в военное училище поступал. Ехал из Саратова до Грозного поездом без копейки денег. И после всего этого не вызывает меня СВВАУЛШ!?

Заволновался я и поехал в военкомат. Там пожали плечами и выписали мне проездные документы в Ставрополь. 28 июня поехал на автобусе. Где-то 450 км от Грозного до Ставрополя, ехал всю ночь и утром был у КПП училища, на улице Ленина. Провели меня в казарму лётного батальона. Это было огромное двухэтажное здание. Здесь ещё в далёкие царские времена располагались какие-то кавалеристы. Стены у этой казармы были толщиной около двух метров, с одной стороны широкий и длинный коридор, с другой – большие комнаты – кубрики. Здание казармы в плане изображало букву «Е», средняя «палочка» этой буквы оканчивалась круглым помещением. В нём, по рассказам, в 19 веке, когда здесь располагался госпиталь, была операционная, где сам Пирогов выполнял операции. А сейчас в этом помещении кабинет командира лётного батальона. Встретил меня в канцелярии мой будущий командир роты майор Стаховский Юрий Игнатьевич. Посмотрел мои бумаги:

– Ты чего так рано приехал? «Приёмник» еще не работает.

Приёмник – это такой лагерь за городом возле села Грушовое, где живут абитуриенты – проходят там медкомиссию, сдают экзамены. Отвёл меня в кубрик, где уже было несколько

таких же притких и нетерпеливых. Показал моё место в длинном ряду двухэтажных кроватей и сказал, что остальное мне расскажут «старожилы». Тут я познакомился с Виталием Марценюком, он приехал с Украины. У него был большой чемодан, половину которого занимало сало и колбаса, а вторую – учебники на украинском языке. Долго потом у нас в туалете висели на стенке листки из учебника математики с такими интересными словами, как «трыкутнык» (треугольник), «коло» (круг) и прочими. Так прожили мы в казарме несколько дней, были какими-то чужеродными элементами в гражданке, а вокруг все в форме, ходят строем. Вечерами из окна казармы разглядывали улицу Ленина. Подоконник был шириной около двух метров, мы укладывались на него и как в телевизоре наблюдали за прохожими и машинами, особенно за проносящимися троллейбусами.

Наконец, заработал Приёмник и нас отправили туда. Разместились в каком-то деревянном бараке, позже я понял, что это и есть казарма. Народу уже набралось здесь прилично и прибывало с каждым днём всё больше. Расписали нас всех по «медицинским группам» и стали мы проходить медицинскую комиссию, хотя все уже вроде прошли отбор в своих городах и районные и областные комиссии. И многих там уже отсеяли. Проходили разных врачей, сдавали всевозможные анализы, проходили рентген и даже пропустили всех через барокамеру. Как ни странно, учитывая, что все абитуриенты прошли не одну комиссию до приезда в училище, ещё многих «забраковывали».

Познакомился я тут с одним парнем, Серёгой из Иноземцево, что под Пятигорском. Он так много говорил про авиацию, как он хочет стать лётчиком. У него были какие-то проблемы с давлением, и он постоянно таскал с собой лимон, и всё время добавлял его в пищу. Я волновался за свою «кривую» носовую перегородку, которую я «получил» ещё в седьмом классе, занимаясь в секции классической борьбы. И не зря волновался. Доктор ЛОР, знаменитый, как я потом узнал, Василий Иванович, сказал мне, что у меня на снимках каких-то «пазух» – затемнение. И, что у меня два варианта – или ехать домой, или мне проколют нос, чтобы проверить эти пазухи, и тогда, может быть меня пропустят. Конечно, я готов был прокалывать что угодно. Прокалывание мне делала врач женщина. Достала огромный шприц, прижала мою голову к своей необъятной груди и сказала:

– Терпи, сейчас будет немного больно.

Стала она загонять огромную иглу мне в нос. Но я только ощущал её грудь. Это меня отвлекало от болезненной процедуры. Ощущения мои прервала резкая боль в носу и даже где-то в мозгу. Врач крепко держала мою голову, прижатую к груди и что-то проделывала шприцом в моём носу. Потом выдернула из меня шприц, рассмотрела его и сказала:

– Всё нормально, жидкости в пазухе нет, годеи!

Счастливый, с заткнутой ваткой ноздрей, побежал я в казарму, делиться радостью с Серёгой. Но Серёга не разделил моей радости, его всё-таки «завалило» давление, и он должен был ехать домой. Лётчик из него не получался. Я как мог успокаивал его. Но, к моему удивлению, вечером в казарме, когда все абитуриенты делились своими впечатлениями от прохождения комиссии, и уже многие знали, что прошли её успешно, Серёга стал говорить, что мы дураки, что собрались в лётчики. Что это опасно и ничего хорошего в этом нету. Вот такая метаморфоза произошла с Серёгой из Иноземцево. Надолго он мне этим запомнился, а ещё тем, что с его лёгкой руки стали меня называть Гешей.

Медицинская комиссия браковала многих. В Приёмнике постоянно шла, можно сказать, ротация – одни приезжали, другие ехали домой. Тех, кто прошёл комиссию, определяли теперь уже в «учебные группы» и их было существенно меньше медицинских. Теперь нам предстояли приёмные экзамены.

Первым экзаменом была математика письменно. Особой проблемы с математикой у меня не было и на три вопроса я спокойно что-то написал. Вторым была математика устно, это, как мне помнится, была в основном геометрия и тригонометрия. Конечно, устно отвечать

сложнее, но это тоже прошло без проблем. А вот устный экзамен по физике меня как-то не радовал. С физикой «отношения» у меня как-то складывались не очень. И точно, вопросы попались какие-то «незнакомые». Вышел я отвечать и стал сильно плавать. Преподаватель как-то грустно сказал, что выше двойки он поставить мне не может. На что я ему сказал, что двойку мне никак нельзя, ну совсем нельзя. И вид у меня, видимо, был такой убитый, что он спросил меня об оценках за предыдущие экзамены. Но я их ещё не знал. Преподаватель не поленился сходить куда-то и посмотреть мои оценки. Вернулся и сказал, что у меня там четвёрки и он мне поставит тройку. Только позже я осознал трагичность момента и какую роль в моей судьбе сыграл этот великодушный преподаватель, которому я остался благодарен на всю жизнь.

Последним экзаменом была литература, то есть – сочинение. За это я не волновался. С сочинениями и вообще с литературой у меня проблем было меньше всего. В школе №50 города Грозного была у меня замечательная учительница Надежда Васильевна Шевченко. Преподавала она русский язык и литературу так, что и самые ленивые ученики любили её уроки. Изложения и сочинения на её уроках мы просто «щёлкали».

Как сейчас помню тему сочинения на приённом экзамене – «Образ советской женщины в литературе о Великой Отечественной войне». Выбрал я «образ» женщины из романа Чаковского «Балтийское небо». Была там героиня – любимая женщина майора Лунина. И про женщину, и про Авиацию. Получил я за своё сочинение ожидаемую пятёрку и позже переданный мне кем-то восторг ставропольской учительницы, привлечённой к училищным экзаменам.

Учебные группы располагались в таких же бараках-казармах, как и медицинские, но уже в других, как нам казалось, лучших. Ведь мимо этих учебных казарм, поглядывая с завистью, ходили те, кто ещё проходил медкомиссию и не был уверен, что попадёт в одну из этих, вождённых. Мы, здешние обитатели, конечно чувствовали себя на голову выше. Между экзаменами у нас было по несколько дней на подготовку, всё это время мы проводили в казарме, иногда бегали «втихаря» к Сенгилеевскому водохранилищу, – так из любопытства, всё равно других развлечений не было. Ходили ещё в наряд дневальными – «на тумбочку». Как-то, будучи в этом самом наряде, и скучая, ночью рассматривали мы с «коллегой» содержимое этой самой тумбочки и обнаружили в ней кипу писем, пришедшим из дома тем, кто уже выбыл и уехал домой, как провалившие экзамен. Наверное, правильно было отправить эти письма по обратным адресам, но нам такая мысль даже и в голову не пришла. Мы решили сжечь эти письма, но перед сожжением проверили их содержимое, и не зря, – тогда было принято вкладывать в подобных случаях в конверт то рубль, а то и трешку. В одном из каждых трёх-четырёх конвертов «что-то» попадалось. Набралась тогда энная сумма, небольшая, но позже, на несколько посещений «чайной» всем составом «наряда» хватило.

Последним «препятствием» на пути в училище стал Психотбор. Мероприятие это было новое, по-моему, проводили его в училище впервые. Проводились разные тесты, типа – «О зачеркнуть, К подчеркнуть», это когда «мужик с магнитофона» даёт команду – «К подчеркнуть», а ты в тексте ищешь букву К и подчёркиваешь её. И ждёшь его команду, когда он скажет – «О зачеркнуть», при этом он что-то бубнит, мешает. Заполнялись разные таблицы, отвечали на всякие «дурацкие» вопросы. Потом надо было на замысловатом устройстве, изображающем пилотское кресло и рули управления, управляя всем этим, нарисовать световым лучом какую-то кривую и при отклонении от этой кривой ещё «било током». По итогам Психотбора мы получали 1-ый, 2-ой или 3-ий разряд. Первый разряд это было «отлично», второй – «хорошо», а тем, кто получал третий, предлагалось переходить на штурманское отделение. Тут мне повезло ещё раз, прошёл я Психотбор по первому разряду.

Осталось ждать только Мандатную комиссию, которая и определяла принятие в училище. Одни абитуриенты уже сдали все экзамены и прошли Психотбор, в том числе и я. Другие ещё проходят медкомиссию, сдают экзамены. А третьи, не прошедшие медкомиссию или получившие на экзаменах двойки, уезжают домой. Но было несколько человек, в том числе и

мой земляк, Витя Л., которые получив двойки, не уехали, а остались. Их исключили с продовольственного и прочего «довольствия». Спать им было негде, в столовой не кормили. Ночевали где придётся, кто-то из них ночевал в барокамере. Товарищи, конечно, подкармливали. Видно, знали эти стойкие двоечники «что-то».

Когда все абитуриенты прошли медкомиссию, сдали экзамены и прошли Психотбор, оказалось, что на лётном отделении недобор. Медицинская комиссия для многих оказалась непреодолимым препятствием. Было даже удивительно, ведь все абитуриенты до приезда в Ставрополь уже проходили медкомиссию у себя дома и не одну. Многих отсеяли уже тогда. Наверное, сильно строгая была комиссия училищная, или на «местах» медкомиссии были наоборот не строгими. Я тогда слышал, что поступать на лётное отделение в общей сложности приехало больше тысячи «кандидатов», а к экзаменам «дошло» не больше трёх сотен. Вот тут и «пригодились» двоечники! Их всех взяли в училище, одного даже с двумя двойками.

Наступил день «мандатной комиссии». Собрались мы все, кто уже сдал экзамены возле «учебного барака» и заходили по одному по списку на заседание этой самой комиссии. Было как-то тревожно, хотя и понимали, что это вроде формальность. Ведь мы всё прошли, – и медкомиссию, и экзамены, и Психотбор. Там сидела куча полковников и прочих офицеров, задавали всякие вопросы, зачитывали личное дело абитуриента, его оценки за экзамены и, если не было возражений, – объявляли, что ты принят и с этого момента уже «курсант».

Всё, можно было выдохнуть, а вокруг ходили и маялись те, кто ещё сдавал экзамены, нервничал и отчаянно завидовал нам, прошедшим «мандатку». Ну, а нас распирала гордость и, и мир вокруг играл и искрился такими красками, о существовании которых мы, сегодняшние счастливицы, ещё недавно и не догадывались.

Глава-2

Казарма -

Курс Молодого Бойца

Переехали мы в училище. Поступили в распоряжение майора Стаховского Юрия Игнатьевича, нашего командира роты. Расселили нас в казарме по кубрикам. Повёл Юрий Игнатьич лично нашу нестройную команду на вещевого склад, где получили повседневную летнюю форму, так называемое ХБ. Под руководством тех курсантов, кто поступал из Армии, а таких набралось с десятков, мы подгоняли форму, пришивали погоны и подворотнички. Вообще, знакомились с новой для нас одеждой, которую предстояло нам носить ещё долгие годы. Знакомились с сапогами и ремнями, пилотками и портянками. Учились наматывать портянки, да ещё так, чтобы они помещались вместе с ногой в сапог, не сбивались и не натирали ноги.

Висела форма на нас, зачастую не по размеру, конечно, корявенько, – сбитая под провисающим ремнём, кривовато пришитыми погонами и петлицами; болтались худые ноги в широких голенищах сапог, торчали худосочные шеи из широких воротников с криво подшитыми подворотничками... Представляли мы собой убогое зрелище на фоне спортивно скроенных курсантов старших курсов в подогнанной, ладно сидящей форме, проходящих ровным строем классных отделений мимо нашей жалкой кучки...

На пищевом довольствии в этот день мы ещё стояли в Приёмнике, поэтому на ужин нас повезли туда. И вот, появляемся мы в Приёмнике, все в форме, в курсантских погонах с жёлтыми полосками и буквой К, в пилотках с красными звёздочками, перепоясанные кожаными ремнями с блестящими бляхами, обутые в солидные чёрные юфтевые сапоги. Обступила нас разношёрстная толпа, ещё, так называемых, абитуриентов, смотрят на нас, – ну, как на космонавтов... Широко открыты рты, пожирают нас глазами... Ну, прямо зависть зелёная... Они же ещё НЕ! А мы уже ВСЁ!

И мы, ещё недавно чувствуя себя пигмеями на фоне настоящих курсантов, вдруг почувствовали себя выше ростом, шире в плечах, не веря такой метаморфозе, задрали вверх худые подбородки – наслаждайтесь, мол великолепным зрелищем...

Да, никогда в жизни мне больше не приходилось «купаться» в собственном «великолепии»!!!

В училище было два курсантских батальона – лётный и штурманский. Командир лётного батальона подполковник Смолин Владимир Петрович, интересный мужик, мы с ним ещё раз-знакомимся. А вот его зам по политической подготовке, подполковник Голованёв Роберт Васильевич, личность просто уникальная, вроде постоянно улыбается, а при появлении его жди обязательно какой-либо пакости. При первой же встрече с ним, когда собрал он нас, новоиспечённых курсантов, рассказывал о будущей нашей воинской службе. Как мы должны службу служить. Рассказал и о себе, – как он со Смолиным (комбатом) летал на Як-28, – «„Владимир Петрович в первой кабине, а я во второй...» . Слушали мы его, раскрыв рты, а позже узнали, что ни он, ни Владимир Петрович вообще никогда не летали, вот такой вот «фантазёр».

В лётном батальоне было две роты нового набора – третья и четвёртая. Нашей, третьей, ротой командовал уже знакомый мне майор Стаховский, а четвёртой – майор Кузнецов. Было ещё две роты второго курса и две роты третьего, но они находились в, так называемых, летних лагерях, то есть – на аэродромах, на полётах. В нашей же казарме располагались ещё и курсанты четвёртого курса, выпускники, они сдавали выпускные экзамены. Смотрели мы на них восхищёнными глазами – ведь они уже практически закончили училище, без пяти минут лейтенанты, полетавшие уже на самолётах, к которым нам только предстоит ...приблизиться.

Надо сказать, что это четверокурсники были из первого набора нашего училища, когда оно ещё было филиалом Армавирского. В то время многие приходили в училище после аэроклуба, уже летавшие, то есть они и по возрасту были намного старше нас. Сталкивались мы с ними довольно редко, появлялись они в казарме в основном только к отбою. Ходили они хоть и с курсантскими погонами, но в офицерской полевой форме, в сапогах и портупее. Была такая старая традиция ещё с царских времён, – юнкера перед выпуском одевали офицерскую полевую форму. Но об этом я узнал много позже.

Нам предстоял КМБ – Курс Молодого Бойца, а пока мы ждали, когда все остальные новоиспечённые курсанты придут в училище из Приёмника. Собрал как-то нашу роту Юрий Игнатьевич, это наш командир роты майор Стаховский, построились мы, кое-как и слушаем разинув рты колоритную речь Юрия Игнатьича. Умел он говорить витиевато, с новым для нас армейским юмором. Вроде и распекал, поучал, но было весело. Тут он с удивлением спрашивает нас:

– Так вы, что ходите по училищу мимо офицеров и не приветствуете их?

То есть – «не отдаём честь»! А мы и не знали, что надо это делать, нам никто и не говорил. Дал команду Юрий Игнатьич нашим же товарищам, новоиспечённым курсантам из солдат, обучить нас этому «искусству», чем мы долго и упорно занимались. Это было больше похоже на какие-то «факультативные» занятия. Мы больше дурачились.

Но, наступил август, прибыли из приёмника все поступившие и «подкрался» к нам Курс Молодого Бойца. Стали мы с утра до вечера заниматься составом роты под командованием офицеров, наших будущих командиров взводов, строевой подготовкой, изучением армейских Уставов. Узнали, что такое распорядок дня и с удивлением обнаружили, что весь день может быть расписан по минутам, – в шесть утра подъём, сразу построение, утренняя зарядка на улице, независимо от погоды, потом «утренний туалет», то есть умыться, побриться и прочее. Снова построение, утренний осмотр, куда надо было прибыть с надраенной бляхой ремня, начищенными сапогами, подшитым чистым подворотничком и вообще – ...вместе «с молодеватым видом». Затем строем в столовую на завтрак и окунались с головой в тот самый КМБ.

Особенно «интересно» было на строевой подготовке, обычно она занимала всё время от завтрака и до обеда, и так каждый день. Учились ходить строем и отрабатывали «строевой шаг». В воздухе витали, уже ставшие зловещими, команды:

– Тяни носок! Выше ногу! Раз, два, раз, два!левой, левой! Стой! Раз, два! Напраа-во! Налее-во! Круу-гом!

Познавали, что такое шеренга, ранжир и прочие премудрости. Потели, уставали, злились и... шагали!

Шагали по плацу и шагали. Отрабатывали движение одиночно и строем, выход из строя и подход к начальнику, и многое, многое другое. В результате появилось понятие строя, строевого шага, и много других армейских понятий, как нам казалось, не нужных, далёких от авиации, но делающих нас мало-мальски людьми военными. И это, как мы уже понимали позже, было движение в одном, нужном нам направлении.

Особенно «изгалялся» над нами, как мы считали, командир нашего лётного батальона подполковник Смолин, Он лично, что совсем не входило, при его достаточно высокой должности, в его обязанности, занимался с нами строевой подготовкой. Залезал на самый парапет трибуны, облачённый в форму для строя, то есть перепоясанный портупеей, в сапогах, и отработанным голосом подавал строевые команды:

– Шагом марш! Равняйсь! Смирно! Равнение налево! Стой! Раз, два!

При этом держал внимание всех курсантов одновременно выкриками, вроде

– Курсант, выше ногу, я тебя вижу!

Гонял он нас до седьмого пота, но и сам не «сачковал», надо отдать ему должное. Останавливал строй и показывал, как надо «тянуть ножку», «печатая» перед нами строевой шаг так, что «асфальт дрожал». А ещё была у него присказка:

– Вы ещё будете вспоминать нашу строевую подготовку и гордиться, что обучены были в Ставропольском лётно-пехотном училище!

Мы, конечно, надолго запомнили эти строевые занятия, но совсем не собирались этим гордиться, просто терпели. И ещё многое готовы были терпеть ради того, чтобы добраться наконец до того момента, когда начнут из нас «делать лётчиков».

Как избавление, наступало время обеда. Строем, и уже почти с удовольствием, шли в курсантскую столовую. Затем послеобеденный отдых 30 минут (согласно Устава) и снова КМБ до ужина. Здесь мы уже изучали Уставы, по которым строилась вся армейская жизнь. Изучали автомат, разбирали и собирали. Проводились и различные другие занятия, знакомящие нас с армейским укладом жизни.

После ужина имели мы законный час отдыха, когда действительно просто отдыхали от суматошного дня. Сильно хотелось полежать на кровати, но это было «строго нельзя». Смотрели телевизор в «ленкомнате» (ленинской комнате, то есть, или, может быть, «комнате имени Ленина?»), писали письма домой.

В 21.30 предстояла обязательная «вечерняя прогулка», то есть минут десять-пятнадцать «гуляли» строем по территории училища. Затем вечерняя проверка (хотя правильно она называется «поверка»), где зачитывался весь список личного состава роты и каждый отвечал на упоминание своей фамилии громким «Я». После этого «вечерний туалет» и в 22.00 вожде- ленный отбой. Никогда раньше не была такой желанной и мягкой ватная подушка. После прикосновения к подушке в голове успевала только мелькнуть картинка прошедшего дня, дальше – провал. Наверное, через пять минут в кубрике уже стояли устойчивый храп и сопение.

Отдохнуть от такого изматывающего темпа КМБ можно было только в воскресенье, но и тогда наши «заботливые» командиры придумывали нам какие-ни будь спортивные мероприятия и назывались они зловеще-издевательски – «Спортивный Праздник». А ещё по субботам и воскресеньям нам показывали кино. Многие на этом кино просто спали.

Продолжался этот КМБ до конца августа. Мы уже знали, что с первого сентября начнутся занятия, а ещё мы должны будем принять Воинскую Присягу. Знали мы так же и то, что до принятия Присяги можно без проблем покинуть училище, если у кого-то пропало желание «быть лётчиком», и уехать домой. После принятия Присяги домой уехать уже не получится,

придётся уже «дослуживать» два года солдатом. Нашлось среди нас несколько человек, которые, вкусив Курса Молодого Бойца, перехотели быть военными лётчиками, написали рапорта и поехали «до мамы». А кое за кем приезжали родители и увозили домой.

После окончания КМБ и до начала занятий распределили нас окончательно по классным отделениям, определили нам командиров взводов, назначили из нашего же числа командиров отделений, будущих сержантов. Попал я в 104-ое классное отделение. В нашей, третьей роте, где командиром роты был знаменитый майор Стаховский Юрий Игнатьич, было четыре классных отделения: 101-ое, 102-ое, 103-ье и 104-ое. В соседней четвёртой роте, где командиром был майор Кузнецов, так же было четыре классных отделения – от 105-го до 108-го. В классных отделениях было где-то по 30-35 курсантов

Командиром взвода определён нам был капитан Щербахин, замкомвзвода был назначен курсант Дмитриев Валера, которого уже успели прозвать почему-то «Фантомом». Классное отделение состояло из двух «просто» отделений и командирами отделений стали Юра Джасыбаев и Саня Павлов. По какому принципу назначались наши «младшие командиры», нам было не ведомо. По-моему, – наобум, что и подтверждалось впоследствии постоянной сменой этих командиров.

Располагалось каждое классное отделение в своём отдельном помещении – кубрике на втором этаже лётной казармы. Кубрики эти были просто огромными, с высоченными потолками. Казарма эта была непростой – огромное двухэтажное здание с двухметровой толщины стенами, построенное именно как армейская казарма ещё в 19-ом веке, где располагались, видимо, кавалеристы, потому как рядом с казармой при каких-то земляных работах выкапывали кучу ржавых подков. Надо полагать, рядом располагались и конюшни. Такое же здание располагалось и невдалеке, там размещались ШБУшники (Штурмана Боевого Управления) и ШОшники (Штурмана-Операторы). ШОшники, вообще-то правильно назывались «штурмана – инженеры». Впрочем, и мы тоже по «правильному» были «лётчиками-инженерами»!

А оба эти, довольно монументальные здания стояли вдоль улицы Ленина, по которой шуршали троллейбусы и было это не так далеко от центра Ставрополя. Было ещё довольно много зданий на территории училища, таких же старых и солидных, а также и более современных – учебные корпуса, столовые, санчасть и прочее. Был также на территории и приличных размеров стадион, строевой плац, не особенно любимый курсантами, и тренажная площадка с настоящими самолётами, на которые мы посматривали как-то с опаской, и с некоторым благоговением.

На тренажной площадке, были собраны основные ПВОшные самолёты: МиГ-17, УТИ МиГ-15, Су-15 и, доселе мне вообще незнакомый, огромный Ту-128. Был здесь, конечно, и учебный чешский реактивный самолёт Л-29, на котором нам предстояло научиться летать! На территории располагался ещё один немаловажный «объект» – Чайная, которую мы называли «чайпок», и посещали с удовольствием, пока в наших карманах хрустело и звенело наше месячное денежное содержание, где-то восемь полновесных советских рублей. Ну, а когда, с началом полётов, мы перешли с курсантской нормы довольствия на лётную, посещали мы чайпок уже довольно редко

Вся территория училища была обнесена высоким кирпичным забором. На углу училища, по улице Ленина стоял на постаменте серебристый самолёт, устремлённый в небо. Это был легендарный истребитель МиГ-17, ещё недавно основной боевой самолёт советской Авиации. Этот самолёт-памятник был олицетворением всего того, что происходило за стенами училища. Того, к чему стремились курсанты, попавшие за эти стены. Это было олицетворение самой Мечты, приведшей за эти стены молодых парней, ещё недавних школьников, мечтающих о Небе. И стал этот МиГ-17 визитной карточкой СВВАУЛШ ПВО – Ставропольского Высшего Военного Авиационного Училища Лётчиков и Штурманов Противовоздушной Обороны.

Присяга -
Парашютные прыжки

02.09.1973г – СВВАУЛШ – Принятие Присяги.

Наступил сентябрь, он стал как бы рубежом между нашей подготовкой к роли курсанта и самой этой роли. Начинались учебные занятия, второго сентября мы торжественно, на строевом плацу, приняли Присягу. Торжественность этого дня сопровождалась тем, что ко многим приехали родители и родственники. Кто жил недалеко, ну и ещё среди курсантов было немало местных, – ставропольцев. И стали мы военнослужащими, курсантами, другими словами – военными студентами. В каком-то смысле это была черта, за которой уже не было обратного пути.

Только не все преодолели эту черту – курсант Конько из нашего классного отделения во время этой торжественной церемонии потерял сознание и просто выпал из строя. Что-то подвело здоровье, наверное, переволновался. Был он списан с «лётного обучения» и продолжил учиться на отделении ШБУ. Вскоре последовала ещё одна «потеря», а за ней и целая «перетасовка». Во время «получения» какого-то очередного укола в санчасти, потерял сознание наш новоиспечённый младший командир Павлов. Его тоже списали с «лётного обучения». Продолжать учёбу на ШБУ он не пожелал и был отправлен, как говорилось, – в войска, дослуживать два года солдатом. Заодно, за какую-то провинность, был снят со своей должности и второй наш командир отделения Юра Джасыбаев. Вместо Павлова капитан Щербахин, наш командир взвода, поставил Ваню Ткаченко, а вместо Юры Джасыбаева – Володю Стенникова.

После всей «усушки-утряски» продолжило занятия наше родное 104-ое классное отделение в количестве тридцати двух «орлов».

Была в нашей ротной иерархии ещё такая знаменательная фигура, как – старшина роты. Эту должность как-то сразу и намертво занял Лёша Полищук. Ему, ну прямо на роду было написано, – быть старшиной. Он уже отслужил год и пришёл в училище сержантом. Как понимаю, его сразу заметил Юрий Игнатьич и поставил на эту должность. Каждое утро будил нас старшина своим зычным голосом с характерным украинским говором:

– Подъём! Выходим строиться! Побыстром! Побыстром!

Как ни хотелось нам поспать ещё в эти ранние шесть часов, мы обречённо вставали и плелись на построение. Но, когда Лёша вдруг, сдуру, начал нас будить за десять минут до подъёма совсем не уставной командой:

– Приготовиться к подъёму! – тут мы не выдержали и полетели в Лёшу сапоги и другие не прикрепленные предметы. Пришлось ему отменить своё нововведение.

Поменялся кардинально и наш распорядок дня. Утро, до самого завтрака, в принципе, ничем не отличалось, но после завтрака весь курсантский состав училища – лётное отделение и штурманское, выстраивались поротно на плацу. Проводился, так называемый, развод на занятия. Строем, классными отделения, проходили торжественным маршем, (насколько, конечно, получался строй торжественным) и шли на занятия по учебным корпусам. Занятия проводились до обеда, – три пары по два академических часа. Пары проходили в разных учебных корпусах и передвигались мы между этими корпусами на разные пары только строем. Так что шагали и шагали. Не зря комбат говорил про «лётно-пехотное». Потом обед, после которого полчаса отдыха в казарме и снова движемся тем же самым строем в те же самые учебные корпуса, но уже на «сампо». Так называли самостоятельную подготовку. Сампо продолжалось до ужина, ну а дальше распорядок такой же

Предметов, по которым стали заниматься, было как-то многовато. Ведь наряду с авиационными, самолётными, были и обычные, «гражданские». Всякие там – Техническое черчение, Математика, Физика, Иностраный язык, незабвенная История КПСС. Это мы считали вроде «нагрузки». Зато с удовольствием выводили на тетрадах названия таких предметы, как – Авиационное оборудование, Теория реактивного двигателя, Конструкция самолёта, Штурманская подготовка, Аэродинамика и прочие. Был такой противный предмет, как РТО – Радио Техническое Оборудование, где помимо изучения всякого радиооборудования, каждое утро в классе в начале первой пары надо было прослушивать через динамик, висящий в каждом классе, «ти-ти-таа-ти» – набор знаков Азбуки Морзе и записывать в тетрадь, потом периодически эти тетради проверялись и выставлялись оценки. По результатам этого, некоторым приходилось ходить на дополнительные занятия.

Выдали нам для занятий папки на молниях, в которых мы носили тетради, учебники были у нас только на сампо. Для этого из нас были назначены «специальные люди», которые и приносили из библиотеки эти учебники.

С первых же дней сентября начались у нас, можно сказать, интенсивные занятия по ПДС – Парашютно Десантной Подготовке. Предстояли парашютные прыжки. В классе изучали теорию, в парашютном городке тренировались на разных тренажёрах, как правильно отделяться от самолёта, как управлять парашютом, как приземляться. На футбольном поле учились укладывать парашют ПД-47. Сдали зачёты, получили на складе бэушные лётные комбезы, такие же демисезонные лётные куртки и пятнадцатого сентября подъём был очень ранним, часов в пять.

Первым делом двинулись в санчасть проходить доктора, – померять давление и температуру. Вроде никого не забраковал. Первый раз попали в лётную столовую, съели первый в своей жизни лётный лёгкий завтрак – два яйца, по кусочку колбасы с сыром и чай. Почти в темноте в кузове бортового Урала поехали на аэродром. Ехали молча, все были в ожидании парашютных прыжков, – как они пройдут, всё ли будет нормально... Парашютные прыжки были определённым этапом в нашей курсантской судьбе и, кое для кого, даже барьером.

Приехали на полевой ДОСААФовский аэродром, что расположен в шести километрах от Ставрополя у села Грушовое, кстати, недалеко от того Приёмника, где проходило наше поступление в училище. Дальше события завертелись быстрее – разбирали и подгоняли парашюты, подгоняли «запаски» – запасные парашюты. Преподаватели ПДС, они же инструктора-парашютисты, разбивали нас на группы по десять человек, так называемые «подъёмы», определили очерёдность

Рассвело, слышался уже характерный звук работы двигателя Ан-2, с которого нам и предстояло прыгать. Инструктора построили нас, провели инструктаж, проверили наши парашюты. Было уже прохладно, тем более раннее утро, все мы нахлобучили на голову зимние шапки-ушанки, тем более, что на высоте ещё холоднее. Мы уже знали из теории, что на каждый километр высоты температура падает примерно на шесть градусов. Чтобы шапку не потерять при прыжке, её надо было завязать под подбородком. Так что вид у всех нас был не очень презентабельный. Ну, и «торжественность» момента тоже отражалась на наших, несколько погрустневших лицах. Куда делись постоянно присутствующие подколы и шутки.

Подрулил зелёный Ан-2, и первая группа «поплелась» к самолёту. Парашютные прыжки начались. Ан-2 долго набирает необходимую тысячу метров, негромко стрекочет в небе. Вот он вышел, как говорят, на боевой курс, подошёл к рассчитанному по ветру нужному месту выброса, на короткое время почти стих звук его мотора, это лётчик убрал обороты, чтобы уменьшить скорость для выброса первых двух парашютистов. Снова заревел мотор, значит выброска произошла. А вот уже один за другим с характерным хлопком раскрываются белые купола парашютов. Прыгаем то мы «на верёвке», то есть купол за привязанный к тросу в кабине самолёта принудительно вытягивается из парашютного ранца и открывается без участия парашютиста. Медленно опускаются парашюты, с земли уже начинают подавать им команды типа:

– Встать на малый! Осмотреть купол!

Это значит надо развернуться на «малый относ», чтобы уменьшить горизонтальную скорость парашюта, и не улететь за пределы аэродрома.

Наступила и наша очередь. По команде идём друг за другом к самолёту. Очередность определяется весом парашютиста, первыми прыгать будут те, кто тяжелее, чтобы в воздухе при снижении они не догнали тех, кто легче. Но сей час в самолёт первыми лезут как раз лёгкие, они пройдут вперёд к лётной кабине, а прыгать будут последними.

15.09.73 – аэр. Грушовое – Парашютные прыжки. (справа налево – И.Ткаченко, В.Криль, Г.Чергизов...

Самым первым лезет Ваня Ткаченко со своим несерьёзным весом, потом Вася Криль. Занимаем в самолёте места вдоль бортов, по пять человек с каждой стороны. Выпускающий инструктор остаётся у двери. Самолёт сначала рулит, покачиваясь, по траве аэродрома, потом вырывается на взлётную полосу и взрывает своим мотором, начинает разбег. Приходится держаться за что получится, чтобы от тряски и ускорения не свалиться. Вот самолёт отрывается от земли, тряска прекращается, мы в воздухе. Натужно гудит мотор, самолёт набирает высоту. Инструктор даёт команду пристегнуть карабины вытяжного фала за трос, что тянется под потолком кабины, проверяет каждого. Теперь ждём набора нужной высоты и будем прыгать. Прыгать, конечно, страшно. Хорохоримся, пытаемся улыбаться. Кто-то шутит, перекивая шум:

– Встретимся в воздухе!

На что инструктор грозит ему кулаком:

– Я тебе встречу! В воздухе не сближаться!

Вот загорается жёлтая сигнальная лампа и раздаётся противный сигнал. Это команда – «Приготовиться к прыжку!» Встают первые два человека и гуськом продвигаются к выходу. Инструктор открыл дверь, в кабину ворвался громкий гул мотора, свист воздушного потока. Нам только этого звукового сопровождения и не хватало. Страшновато. Инструктор ещё раз проверяет карабины, осматривает парашюты и подвесные системы. Загорается зелёная лампа и раздаётся ещё один звуковой сигнал, это уже команда – «Прыжок». Инструктор жестом приглашает первого «счастливец» к открытой двери, тот подходит, ставит ногу на обрез проёма двери, руки на запасной парашют и после команды инструктора – «Пошёл!», просто ...выпадает из самолёта. Лица парашютиста не видно, но не думаю, что оно было радостным. Так же, без паузы, по команде выпускающего инструктора «выпадает» и второй товарищ.

Инструктор, высунувшись далеко из кабины, проводил взглядом выпрыгнувших парашютистов и стал энергично затягивать в кабину вытяжные фалы, прижатые снаружи к борту самолёта. Закрыв дверь. Тут же взревел мотор Ан-2 и самолёт стал разворачиваться для нового захода.

Всё повторяется. Самолёт выходит на боевой курс, открывается дверь, сигнал. Теперь моя очередь. Подхожу к открытой двери, ставлю ногу на обрез, руки на запяски, осторожно выглядываю наружу. И страшно, и страшно красиво – внизу вижу лес, поле, аэродром с мелкими, как муравьи, людишками, маленькие машинки на дороге. Инструктор хлопает по плечу, отталкиваю ногой от обреза двери и ...выпадаю. Глаза зажмуриваются сами. Проваливаюсь в пустоту, тело само сжимается в комок, изо всех сил «держусь» за запяски. Ощущаю сильный рывок и слышу громкий хлопок открывшегося купола. Открываю глаза, смотрю вверх, вижу квадратный купол парашюта и удаляющийся, негромко стрекочущий самолёт. Меня раскачивает под куполом.

Резко становиться радостно, вдыхаю, наконец, полной грудью воздух, а то, кажется, и не дышал вовсе, пока парашют не открылся. Слышу ещё хлопок открывшегося купола и немного в стороне и выше вижу того, кто выпрыгивал за мной. Болтается под куполом и что-то орёт. Громко орёт, слышимость хорошая. Меня тут же охватывает эйфория, я тоже что-то кричу. Тут приходит мысль в голову, что надо что-то делать. Лихорадочно вспоминаю действия парашютиста, «после раскрытия парашюта». Смотрю вверх, осматриваю купол, стропы, лямки подвесной системы, – вроде всё нормально. Стягиваю, как учили, «чулки» с лямок подвесной системы. Усаживаюсь на круговую лямку и осматриваюсь.

Внизу под собой вижу аэродромное поле, я вроде попадаю на него, никуда не отнесло. Там передвигаются людишки, хорошо слышны голоса. Видны на поле белые купола парашютов тех, кто прыгал первыми. Снижение сначала и не ощущалось, но потом всё явственнее стала

приближаться земля. Вначале деревья, люди и машины как будто разбегались во все стороны. Но потом, по мере приближения к земле, наоборот аэродромная трава стала просто набегать.

– Приготовиться к приземлению! Ноги вместе! – это доносятся команды с земли. Как учили, сдвигаю вместе, слегка согнутые ноги, ступни параллельно земли, напряжены. Трава просто несётся на меня, земля совсем близко. Затягиваю задние лямки, готовлюсь к встрече с земной твердью. Помню, что не надо стараться устоять на ногах, и тут же завалиться набок. Удар! Заваливаюсь. Да, земля довольно больно встречает! Тут же вскакиваю и стараюсь подтянуть нижние стропы парашюта, чтобы погасить купол, который медленно складывается на траву. Как учили, собираю стропы в бесконечную петлю, приближаясь к, уже поникшему, куполу. Расстёгиваю и снимаю с себя подвесную систему, беру парашютную сумку, которая всё время была со мной под грудной лямкой. Собираю в сумку купол, стропы, осматриваюсь.

На аэродроме суета – приземлилась ещё одна пара парашютистов, в воздухе видны купола следующих. Слышатся команды парашютистам. Вверху тарахтит Ан-2. Ташу парашют на площадку. Подошёл доктор, бегло осмотрел меня. Видимо, убедился, что живой. Бегу, присоединяюсь к «встречающим». Наши ротные офицеры тоже здесь. Бдят. Вот приземлился Валера Преловский, не совсем удачно – дёрнул его купол после приземления и, ударившись головой о земную твердь, Валера на короткое время «отключился». Это видел командир взвода Бурбовский, тут же позвал доктора и, как не отбивался Валера от них, уложили его в санитарку. Ну, а вскоре списали Валеру в ШБУшники. Примерно такое же произошло и с Володей С., но поблизости не было никого из офицеров и мы, «встречающие», быстренько «прикрыли» Володю, собрали его парашют. В дальнейшем Володя без проблем продолжил лётное обучение и успешно окончил училище.

Глава-4

Учёба -

Воинская служба

Я со школы ещё занимался фотографией и привёз из дома фотоаппарат ФЭД-3. Были и ещё среди нас такие фотографы-любители. Поначалу нам всем было не до фотографий. Но, начиная с парашютных прыжков, потихоньку начали «щёлкать», накопились плёнки. Пришло время что-то с ними делать. Скинулись как-то с очередной «получки», купили бачок для проявления плёнок, фотоувеличитель, химикаты и остальные «причиндалы». Для приготовления проявителя и закрепителя нужна была вода, определённой температуры. А какая тёплая вода в казарме? Аж никакой! Стали пробовать и с удивлением обнаружили, что можно пользоваться обычной холодной водопроводной водой. Для печатания фоток условий вообще не было. К тому же занятие фотографированием в училище не то чтобы запрещалось, но и не поощрялось. Приходилось тайно, после отбоя, то в каптёрке, то где-нибудь под лестницей, заниматься этим. Думается, что, если бы за этим занятием нас застукал Бумага, то это было бы приравнено к измене Родине. Но обходилось.

Математику нам преподавал сильно пожилой полковник запаса Горбенко Сергей Сергеевич, которого за глаза мы называли Семён Семёнычем Горбунковым – уж очень похоже было его ФИО на имя героя, недавно прошедшего фильма «Бриллиантовая рука». Называли мы его не злобно, Сергей Сергеич был мужиком добродушным, кровь нам не портил, по мере сил пытался приобщить нас к высшей математике, чему мы изо всех сил сопротивлялись.

Физику вёл тоже гражданский преподаватель по фамилии Агафонов, тот самый, который поставил мне спасительную тройку на вступительном экзамене. Был он человеком мягким, тихим, чем мы бессовестно пользовались, занимаясь на его лекциях каждый своим делом. Преподаватель обычно вёл лекцию, обращаясь к одному из курсантов, тот скоро уходил от его внимания, Физик искал другого и продолжал. Если он попадал на меня, мне уже приходилось до конца лекции отдуваться за всех, – безропотно выдерживать его внимание в благодарность за ту спасительную тройку.

Для занятий иностранным языком были мы разделены на «англичан» и «немцев». Я попал к «немцам». Единственной женщиной-преподавателем была у нас преподаватель немецкого языка. Все мы по очереди должны были быть дежурными и встречать преподавателя докладом на немецком языке. Надолго запомнился этот доклад:

– «Genosse Lehrerin... Fluegschuleren ... zum Unterricht... zustellen».

Что примерно означало – «Товарищ преподаватель... курсанты... к занятиям... построены!»

Наверное, это всё, что осталось в наших головах от училищного немецкого.

Если занятия по физике и математике были нам в тягость, то на занятия по «Авиационному оборудованию» или на «Конструкцию самолёта» мы шли с удовольствием. С открытыми ртами слушали преподавателей, в основном действующих офицеров или отставников, были и бывшие лётчики, и авиационные инженеры. «Штурманскую подготовку» или, как ещё называли – СВЖ (Самолётовождение), вёл бывший лётчик отставной полковник Ромашов. С интересом мы слушали его рассказы о полётах, о лётной жизни. И предмет учили добросовестно. Мы знакомились с навигацией, изучали полётные карты, учились прокладывать на них маршруты. Нам это было очень интересно.

Начали с нами проводить занятия на тренажной площадке, сначала мы просто познакомились с самим самолётом Л-29, который нам предстояло сначала изучить, а потом и научиться летать на нём. Впервые осторожно потрогали его дюралевое «тело». Затем «полезли» в кабину и стали «щупать», можно сказать, его изнутри. Поначалу смотрели на многочисленные приборы, сигнальные табло и разноцветные лампочки, кнопки и рычаги как «бараны на новые ворота».

В классе «Авиационного оборудования» было много разных стендов с самолётными приборами. Можно было рассмотреть, как устроен и как работает прибор. С интересом изучали каждый прибор, на контрольных работах приходилось рисовать по памяти приборную доску кабины самолёта Л-29. Все приборы, тумблера, сигнальные лампочки и органы управления. Сначала казалось, что невозможно запомнить такое количество всевозможного оборудования, но со временем, после получения двоек и незачётов, неоднократно повторения на сампо и зубрения по ночам в ленкомнате, проделывали это, если не запросто, то вполне правильно. Сами удивлялись.

В классе «Конструкция двигателя» стояли настоящие реактивные двигатели, целые и в разрезе. От небольшого М-701 от Л-29 до ВК-1А от МиГ-17 и огромного АЛ-7Ф от Ту-128. Кстати, последний двигатель был настолько большим, что некоторые курсанты умудрялись на занятиях спать в его форсажной камере.

А спать хотелось часто. Были некоторые уникамы, что умудрялись спать, изображая конспектирование лекции. Был у нас Слава Гвозденко, – мог спать, сидя на лекции за столом, уткнув ручку в тетрадь. У него были очень большие ресницы и было непонятно, открыты или закрыты его глаза. Однажды преподаватель всё же заметил его сон, тихо подошёл к нему, убедился, что это так и сказал всему классу, чтобы мы сидели, а сам громко скомандовал:

– Встать! Смирно!

Мы все продолжаем сидеть, а Славик вскакивает как ужаленный и сразу кричит:

– Я не спал!

Было весело.

Аэродинамику учили, понимали, что наука нужная, но шла она туго, – пощупать то было нечего, только плакаты, иногда учебные фильмы.

На кафедре СВЖ был лаборант пожилой полковник в отставке, много интересного рассказывал нам, как в своё время он с товарищами осваивал Ту-16. Собирались мы вокруг него и слушали с раскрытыми ртами. Рассказывал, что, когда появился Ту-104, а это был практически «гражданский вариант» Ту-16, то где-то наверху появилась идея ознакомить всех командиров

экипажей, начиная от командиров эскадрилий, с основными аэропортами Европы. Для этого они, одетые в аэрофлотовскую форму, летали в составе гражданских экипажей на Ту-104 по европейским аэропортам. Особенно отзывался о лондонском Хитроу, о его оборудовании и его трёх полосах с разными курсами. У нас, говорил он, и сейчас так аэропорты не оборудованы.

Занятия по физподготовке проходили на свежем воздухе в спортивном городке и на футбольном поле. Там мы «катались» в рейнских колёсах. Осваивали лопинг и крутились на время. Помимо этих занятий, физподготовкой мы, наверное, больше занимались каждый день, кроме воскресенья, на утренней зарядке. Там мы, по окончании выполнения разных гимнастических упражнений, в конце бежали вокруг училища. Это были не простые полтора километра, а по четвергам бежали два круга, это уже было три километра!

Привыкали мы потихоньку к армейским порядкам – жить по строгому распорядку дня, ходить строем, не делать никаких планов...

Строил и водил нас строем, в основном, Ваня Ткаченко, он был командиром одного из двух наших отделений и по совместительству старшиной нашего 104-го классного отделения. Мы, конечно, выполняли его команды и приказания, но Ваня не нашёл с нами «душевного» контакта и поначалу не был нами признан. Ну, а так, как он был командиром требовательным и решительным, то стал искоренять «нехорошие настроения» в 104-ом отделении – он стал направо и налево раздавать внеочередные наряды. Нас это не радовало, мы стали Ваню посылать «подальше». Он забегал в ротную канцелярию жаловаться и «колесо истории» завертелось. Сначала Ваня нам грозил, потом уговаривал, потом просил, но мы были непреклонны. Затем мы пошли в наступление на Ваню, но с той разницей, что мы не уговаривали и не просили, мы грозили расплатой, намекали на увольнения. Тогда Ваня стал награждать нас неделями «неувольнения». Кстати, я был первым награждённым одной неделей.

Глава-5

Увольнения -

Новый Год

Однажды утром, в одно из октябрьских воскресений, перед нами выступил Юрий Игнатьич с обычной своей профилактической речью, где как всегда обещал – «...кайло в Холодногорске и райскую жизнь в Комсомольске-на-Амуре». Потом он спросил:

– Кто желает поехать на уборку яблок?

Желающих было много. Он отобрал человек двадцать. Вскоре мы уже ехали на бортовом Урале вместе с Юрием Игнатьичем, в какой-то совхозный сад не далеко от Ставрополя. Юрий Игнатьич в кабине, мы в кузове. Приехали на место, выгрузились. Сад огромный конца и края не видать. Определили нам фронт работ – собирать яблоки в ящики и складывать в штабеля у дороги. Прежде чем начать собирать штабеля, мы съели немеряное количество яблок. А потом Юрий Игнатьич отобрал из нас человек шесть и сказал, что у нас будет особое задание. Назначил старшего Юру Джасыбаева и передал нас в руки какому-то местному садоводу. Тот повёл нас куда-то в дальнюю часть сада.

Оказались мы среди высоких деревьев грецкого ореха. Задание было несложным – собирать орехи в ящики. Чем мы и занялись. Как мы догадывались, орехи эти предназначались Юрию Игнатьичу. Садовод ушёл, и мы добросовестно стали наполнять ящики орехами. Только орехи не яблоки. Пока наберёшь ящик, вспотеешь. Так подошло время обеда, потом и прошло. Никого нет. Остались мы без обеда. Мы продолжаем работу. Тут уже и ужин забрезжил на горизонте. По-прежнему никого нет. Мы заволновались – может за нас забыли? Так оно и было, как мы поняли позже.

Октябрь 1973г – В саду под Ставрополем. Стоят: В.Тепляков, Марин?, Г.Чергизов, Ю.Джасыбаев. Сидят: ..., Р.Сулейманов.

Решили выбираться, спрятали в траве ящики с орехами, как смогли. Сориентировались по солнцу, где север и в том направлении двинулись через сад. По нашему разумению Ставрополь был там. Вскоре услышали шум моторов и вдалеке среди деревьев разглядели, как спешно грузились в два автобуса, похоже, студенты. Не успели мы к этим автобусам, смотрели им в след и обнаружили, что студенты в спешке оставили после себя следы «перекуса». Там и сям лежали под деревьями на расстеленных газетах, брошенные впопыхах пирожки, булочки, варёные яйца и прочая снедь. Сначала мы это рассматривали, потом Володя Тепляков, что-то поднял и попробовал:

– Нормально, есть можно...

Мы были голодные, уговаривать нас не надо было. Быстро уселись вокруг газеток и дружно набросились не просто на еду, а на «домашнюю» еду, по которой мы соскучились. Через время, мы наевшиеся и умиротворённые, возлежали на траве и никуда не спешили.

Но, надо было двигаться вперёд. Вышли мы в конце концов из сада на какой-то асфальт. Вдалеке виднелся девятиэтажками Ставрополь. Стали ловить подходящую попутку. В итоге загрузились в кузов какого-то грузовичка и поехали. Довёз нас грузовичок прямо к запасному КПП училища, что не улице Мира. Выгрузились, привели форму в порядок, построились в колонну по два и двинулись под командованием Юры Джасыбаева. Солдат на КПП молча открыл нам ворота и вскоре мы были в казарме. Было время ужина, но нам и не хотелось идти на вечернюю жареную рыбу.

На следующее утро Юрий Игнатьич строго спрашивал Юру Джасыбаева за орехи. Тот объяснил, где мы их спрятали и Юрий Игнатьич отстал.

С нетерпением ждали, когда же нас начнут отпускать в увольнение. Наконец, дождались. Накануне, на каждые субботу и воскресенье, составлялись списки желающих, кроме тех, у кого были двойки или дисциплинарные взыскания. Записываться надо было у командира отделения, который мог припомнить тебе что-нибудь и не записать. Потом этот список попадал к командиру взвода, тот обязательно кого-то вычёркивал по своему разумению. Ещё список «укорачивал» и старшина роты. И, наконец, драгоценный список попадал к Юрию Игнатьичу. А память у него была хорошая, он помнил всё – кто куда опоздал, кто плохо пел на вечерней прогулке и прочее и прочее. Так что список к моменту выписывания увольнительных никогда длинным не бывал.

И вот наступал долгожданный момент – счастливы строились в коридоре в одну шеренгу для инструктажа и получения увольнительных записок. Форма одежды, причёски приводились в идеальный порядок. Пред строем представал Юрий Игнатьич, придирчиво всех осматривал, говорил разные напутствия о том, как нужно себя вести в городе. Обычно это было в его излюбленной манере с многоэтажным армейским юмором. Потом он лично раздавал увольнительные.

Но не дай бог появиться на горизонте в момент инструктажа увольняемых незабвенному Бумаге, то есть заместителю командира батальона по политической части. Тот являлся перед строем с неизменной широкой и сладкой улыбкой и начинал длинный и нудный инструктаж, – как высоко мы должны нести звание курсанта по улицам Ставрополя. Все терпеливо и обречённо ждали. В конце своей речи он обычно кого-нибудь спрашивал:

– Товарищ курсант, как Вы собираетесь провести своё увольнение?

Если курсант медлил с ответом или говорил, что просто хочет погулять, посмотреть город, то Бумага начинал сначала просто возмущаться, потом топтать ногами и кричать:

– А, не знаешь, что будешь делать, – значит обязательно напьёшься! Никакого увольнения, учи Устав!

Со временем мы научились преодолевать это препятствие в виде Бумаги и отвечали на его вопрос громко и уверенно:

– Пойду в библиотеку! – или, – Мечтаю попасть в филармонию!

Бумага был доволен ответом и расплывался в елейной улыбке.

Вышел как-то я из ворот училища в первое своё увольнение, в компании человек пяти таких же счастливых. Планов никаких не было, хотелось просто свободно пошататься по Ставрополю, который до сих пор видел только из окна казармы. Володя Плотников, шустрый разбитной малый, предложил:

– Давайте «дёрнем» по стопке?

Никто не возражал, я тоже. Думал, почему бы в честь первого увольнения не выпить немного вина. Зашли в какую-то «забегаловку», скинулись там по сколько-то. Столпились вокруг небольшого высокого столика, ждём. Появляется Плотников со стаканами и бутылкой водки. Водку я тогда ещё не пробовал. Как-то до этого обходились с друзьями пивом и вином. Спрашиваю:

– А чем закусывать будем?

Плотников, разливая по стаканам, небрежно бросил:

– Курятиной.

Я подумал, что ему в посылке курицу прислали, жду закуску. А Плотников достаёт и кладёт на столик пачку сигарет:

– Закусывайте!

Это, оказывается, и была, к моему глубокому разочарованию. «курятина». В общем, водка мне тогда не понравилась. Кстати, Плотников в скором времени за неуспеваемость и

«употребление» был исключён из училища и отправлен дослуживать именно в Комсомольск на Амуре, как и предрекал Юрий Игнатъич. Плотников ещё запомнился тем, что в увольнении, по некоторым рассказам, брал в аптеке какие-то капли, разбавлял их в автоматной газировке и «балдел».

Был у нашего Бумаги какой-то помощник «по комсомолу», худой старший лейтенант. За глаза звали его Карандашом, и однажды собрал он наше классное отделение на беседу по «национальному вопросу». Видимо, по указивке политотдела. В ходе этого собеседования выяснилось, что в нашем, 104-ом классном отделении из тридцати двух человек – два чуваша, два казаха, два мордвина, два татарина, один башкир, один немец и один чеченец. Остальные – русские, белорусы и украинцы, которые по классификации политотдела относились к «русским», в отличие от остальных, – «нерусских». Как сказал русский бакинец Юра Артюхов – «Как в Ноевом Ковчеге – всякой твари по паре». Этот Юра, хотя и был чистокровным русским, но говорил с характерным азербайджанским акцентом, потому как родился и прожил всю жизнь в Баку.

В отличие от политотдела, мы не видели никакого «национального вопроса». Дружили казах Юра Джасыбаев и татарин Раим Сулейманов, чуваш Гена Тихонов и немец Рудольф Биркле, украинец Виталий Марценюк и русский Толик Сапелкин, терский казак Коля Нагорнов и я, наполовину чеченец, наполовину немец.

Регулярно мы ходили в суточные наряды. То дневальным по казарме, то в наряд на кухню, то на КПП дежурить, то в патруль по городу. Попастъ в патруль это было почти удачей, – гуляешь себе по городу, особенно ничем не утруждаясь, спишь в казарме. А вот на кухню идти никто не хотел, больше туда попадали не по очереди, а отработывали полученные за разные провинности «наряды вне очереди». Там было не сладко, особенно в посудомойке. Нужно было собирать со столов и перемывать по три раза за смену горы посуды, мыть полы в обеденном зале. Спать приходили поздно, когда в казарме уже давно все дрыхли и утром уходили снова в столовую до подъёма. В общем, это было самое, что ни на есть – наказание.

Баня у нас была по четвергам. Вместо самоподготовки шли строем в городскую баню, мылись там, получали чистое бельё. Возвращались. В казарме меняли постельное бельё. На следующий день на «неудобный» вопрос преподавателя по любому предмету была железная «отмазка»:

– У нас вчера была баня, – что подразумевало, что у нас не было сампо и мы не могли подготовиться...

Приближался Новый Год. Поговаривали, что встречать его пойдём в медучилище, это было, конечно, привлекательно... Но тут прошёл слух, что на Новый Год отпустят домой тех, кто недалеко живёт. Мой родной город Грозный входил в это понятие «недалеко». Я со своими земляками Витей Лазаревым и Саней Патрикеевым стали готовиться к возможной поездке домой и поход в медучилище нас перестал интересовать.

На утреннем построении тридцатого декабря Юрий Игнатъич объявил фамилии тех, кто сегодня после обеда может поехать домой. Наша троица была в этом списке. Срочно стали собираться. Чтобы поездка не сорвалась, тщательно готовили форму, причёски. Никаких расклеванных брюк, укороченных шинелей или длинных причёсок не допускалось. Ведь предстояла тщательнейшая проверка нашей готовности к поездке. И вот, все кандидаты уже построились в коридоре казармы на инструктаж и получение отпускных листов. Набралось таких человек двадцать, учитывая и тех, кто был из Ставрополя. Думали, прочтает нам лекцию Юрий Игнатъич, придирчиво проверит нас, к чему мы были полностью готовы, настраивает нас и выдаст отпускные.

Но не тут-то было, – появляется на горизонте незабвенный Бумага, как всегда с широкой и сладкой улыбкой наперевес. Хоть вешайся! Стал медленно обходить строй, придирчиво всех осматривая, нашёл всё же мелкие недостатки, но, к нашему удивлению, дал возможность их

устранить. Потом начал длинный и нудный инструктаж, как мы должны вести себя за стенами училища, тем более в других городах и сёлах. Что мы должны не только высоко нести честь курсанта, но и не забывать, что мы комсомольцы, будущие члены партии и быть примером для всех и во всём. Короче, проводить политику партии во всём мире! Потом перешёл к тому, как мы должны вести себя в кругу семьи за праздничным столом:

– Это, семейный праздник, вам, разумеется, нальют рюмочку. Можно, конечно, выпить за встречу Нового Года чуть-чуть водочки.

Походил молча перед строем и продолжил:

– Нет! Водку пить нельзя! Можно выпить в честь праздника немного вина.

Снова походил, подумал и продолжил, почти криком:

– Никакого вина! Разрешаю только один бокал шампанского за встречу Нового Года!

Опять молча и нервно стал прохаживаться вдоль строя. Остановился, обвёл строй горящим взором и почти истерично:

– Никакого спиртного! Ни грамма! Запрещаю!

Резко повернулся и быстрым шагом направился к выходу. Мы молча, затаив дыхание, провожали его взглядами. Даже не верилось, что Бумага не выгнал никого из строя и не лишил поездки домой. Наверное, перенервничал и забыл. Юрий Игнатьич всё это время стоял в стороне. Когда за Бумагой закрылась дверь, наш ротный вышел на середину строя, стал вызывать по одному из строя и вручать отпускные билеты. Потом окинул всех широким взглядом:

– Поздравляю вас с наступающим Новым Годом! Не забудьте поздравить своих родителей! Из отпуска не опаздывайте! Все должны быть на вечерней проверке второго января! Разойдись!

Выдохнули мы из себя казарменный воздух только, когда вышли за КПП на улицу Ленина и вдохнули полную грудь воздуха свободы! По крайней мере, мне так показалось. Местные разъехались в разные стороны на троллейбусе, а остальные поплелись на автовокзал. Наша тройка поехала до Невинномысска, чтобы там пересесть на автобус до Грозного.

Глава-6.

Первая сессия -

Тренажёр

Вернулись из новогоднего очень краткосрочного отпуска все без опозданий. Второго января 1974 года все дружно стояли на вечерней проверке. Юрий Игнатьич присутствовал лично. Взял слово:

– Хочу поздравить вас с тем, что в новый 1974 год вы вступили без праздничных потерь.

Как рассказывают те, кто никуда не ездил, Новый Год встретили скучно, у ёлки в медучилище. Ну, выпили по бокалу шампанского и всё. С нами всё время крутились ротные офицеры. Короче, были обыкновенные танцы. А в три часа уже пришли в казарму.

С третьего января потянулись привычные будни – занятия, наряды и прочее.

Скоро заканчивается первый семестр, уж делаем разные контрольные работы и начинаем сдавать зачёты. В середине февраля каникулы на две недели, но домой поедут только те, кто сдаст все зачёты. Ю. И. доступно и популярно рассказал, чем будут заниматься на каникулах те, у кого будут хвосты. Мы уже хорошо знаем весь этот набор – работать кайлом в Холоднорск, копать землю до нефти... Домой хотят ехать все, усиленно готовимся к зачётам, – после отбоя в ленкомнате не протолкнуться, на сампо, почему-то такого рвения нет.

Февраль 1974г – «Ломимся» в столовую.

С горем пополам сдаём последние зачёты. Правда, не все сдают успешно. Собираемся ехать домой. У кого хвосты, ходят хмурые, кто-то из них рассчитывает за пару дней сдать зачёт, а у кого не один хвост, понимает, что поездка домой ему не светит.

Наступает пятнадцатое февраля, утро. Ю. И. прохаживается вдоль строя готовых отпускников, словно принимает парад. По одному выводит из строя тех, у кого нарушения формы одежды. Всё же затесались в строй некоторые «оптимисты» в расклешённых брюках, с короткими шинелями и даже с неуставными причёсками. В лучшем случае, поедут они домой только завтра после устранения недостатков.

Те, кто прошёл контроль Ю. И., получают отпускные билеты, проездные документы и, после короткой напутственной речи Ю. И., отправляются по домам до двадцать седьмого февраля.

«Оптимисты» с оптимизмом принялись устранять недостатки. Подстричься или поменять брюки на уставные не проблема, хотя сегодня уже никто никуда не поедет. Это понятно. А вот те, у кого обрезанные шинели, чешут затылки. Других шинелей нет. Но Ю. И. человек великодушный и на вопросы «укороченношинельных» – «Что нам делать?», отправляет их в каптёрку за старыми солдатскими шинелями:

– Отрезайте полоски, сколько там сантиметров у вас не хватает и пришивайте к своим шинелям.

И вот, после того, как были пришиты рыжие полоски от старых солдатских шинелей к тёмно-серым курсантским, выглядели эти шинели просто безобразно. Но делать нечего, могло быть и хуже. С чистой совестью Ю. И. мог их всех оставить на все каникулы в казарме. Конечно, за забором училища будут оторваны эти пришитые рыжие полоски, но «осадок останется» и долго будет помниться это «нарушение формы одежды».

Из отпуска приехал я двадцать седьмого февраля, почти все уже на месте, а кое-кто и не уезжал. Будто и не покидал «родную казарму»! На улице снег, хоть и небольшой, морозец, поёмка метёт, а в казарме тепло и уютно. Красота! Юрий Игнатьич, «отец родной», встречает!

Начинается второй семестр. Больше становится авиационных предметов и меньше всяких «гражданских». Мы в, так называемом, втором потоке, – на полёты поедем в июле, а первый поток едет уже сейчас. Кто в Холодногорск, это совсем близко к Ставрополю, кто в Ханкалу, это под Грозным, а кто в Слепцовск, это тоже в недалеко от Грозного. Ходим на тренажёр ТЛ-29. Интересная штука, почти настоящий полёт. Настоящая кабина Л-29 со всеми приборами и органами управления, всё там светится и гудит. Даже есть звук работающего двигателя.

Сначала мы там учились запускать двигатель, а потом и «полетели». Вначале пришлось вникать в сам принцип «летания», – принцип управления самолётом. Понять, как управляется самолёт и чем. Что такое «органы управления»? Во многие понятия мы начали вникать на занятиях по самому авиационному предмету из всех авиационных, – на Аэродинамике. Там впервые услышали такие самолётные понятия, как – рулевые поверхности, элероны, стабилизатор, руль высоты, руль направления, закрылки.

Март 1974г – Саня Горошко.

Инструктора на тренажёре, это бывшие опытные лётчики, они знакомили нас с самим «ЛЕТАНИЕМ», с принципами управления самолётом. Здесь, с их помощью, мы соединяли в единое понимание теорию аэродинамики и практические действия органами управления самолётом. Узнали много «нового» – я, например, с удивлением узнал, что «поворачивает» самолёт не с помощью ножных педалей и руля поворота, как я раньше думал, а при даче РУС (Ручки Управления Самолёта) влево или вправо и создании крена. Вот из-за этого крена самолёт и разворачивается, потому как «...горизонтальная составляющая подъёмной силы крыла направлена в сторону крена...» Примерно так глаголет наука Аэродинамика.

Взлёта и посадки на нём, нормальных, конечно, не получается, а вот в полёте всё как надо. Работают все приборы, показывают высоту, скорость, курс, обороты двигателя, работает АГД, можно выпускать и убирать шасси и закрылки. Одеваем шлемофон, ведём радиообмен, пробуем такую штуку, как ларингофон, одеваешь на шею на резинке и не надо никакого микрофона. Ну и просто чувствуешь себя, словно в настоящем самолёте. Начинаешь понимать, что такое полёт, как управляется самолёт. Сначала чувствуешь себя полным дураком, кругом полно разных стрелок и разноцветных лампочек, всё «шевелится» и гудит. Потом потихоньку начинаешь вникать. Инструктор тренажёра сидит сзади за пультом рассказывает всё и показывает. Объясняет, как управлять самолётом, для чего какие органы. Пробуешь уже сам управлять самолётом и сильно удивляешься, что он слушается тебя. Со временем научились «собирать в кучку приборы». То есть понимать по показаниям приборов в каком положении самолёт, куда он движется и, что нужно делать, чтобы он двигался в нужном направлении.

На тренажёр мы ходили по очереди в течение всего дня. Один приходил на занятия с тренажёра, другой шёл туда вместо него. Однажды привели на тренажёр какую-то экскурсию – студентов, я в это время «летал» на тренажёре, отрабатывал какое-то упражнение. Инструктор показывает тренажёр, рассказывает, как он работает, а потом решил показать экскурсантам, как действует лётчик, то есть я, в «особом случае». Включил мне «пожар двигателя». Я, конечно никакого понятия про эту экскурсию не имел, «летел» себе и не видел загоревшуюся красную аварийную лампочку «Пожар». Только не пойму, почему это у меня растёт температура двигателя, потом начали падать обороты двигателя, а потом и скорость самолёта. Пока я разбирался, в чём дело, «самолёт» мой уже врезался в грешную землю. Все стрелки приборов замерли, раздался характерный звук и мне пришлось вылезать из кабины. Тут только я увидел экскурсию и понял, что сильно «опарафинился».

В начале второго семестра Ю. И. разжаловал за какие-то грехи Ваню Ткаченко со старшины отделения и его место занял Ваня Горбачёв. А Ваня был у нас местной достопримечательностью. Ведь в то время первым секретарём Ставропольского обкома партии был Михаил Сергеевич Горбачёв. И каждый преподаватель, увидев впервые в классном журнале Ванину фамилию, осторожно спрашивал – «А не родственник ли...?» Ваня честно отвечал, что – «Нет», но мы все напускали туману и, обычно, преподаватель, на всякий случай, особенно к Ване не придирался, ну и к нам остальным немного тоже...

Был у нас в отделении такой курсант Калмыков, несколько странный, – учиться совсем не хотел, всё время получал двойки, постоянно пересдавал все зачёты. Другого уже давно бы выгнали, но он был местным, и его мама работала кем-то в штабе училища. Она всё время просила за него, чтобы не выгоняли. Какое-то время это прокатывало, но первый семестр он так и не сдал. И отправился во солдаты. Была у этого Калмыкова ещё одна «странность» – он знал наизусть поэму «Лука М...дищев», авторство которой приписывают Пушкину. Поэма

была длинной, по-пушкински очень складной. Нередко вечером собирался народ послушать эту «удивительную» поэму

После очередной потери осталось в нашем 104-ом классном, «во всех отношениях», отделении тридцать «орлов» из тридцати пяти в самом начале.

Как-то после ужина в казарме слышим громовой бас командира четвёртой роты майора Кузнецова. Это он построил роту и устраивает большой разнос по какому-то поводу. Позже узнаём «повод». Кузя, как курсанты зовут храброго майора Кузнецова, как командир хозяйственный, задумал ремонт помещений в казарме, для чего требовались разные материалы, особенно краска, собственных запасов которой было мало или не было вообще. На построении он объявил курсантам, что за принесённую краску будет давать внеочередные увольнения в город и прозрачно намекал на новый учебный корпус. А рядом с нашей казармой и завершалось строительство этого самого нового учебного корпуса и велись там как раз всякие покрасочные работы. Намёк сообразительными и жаждущими увольнений курсантами был понят правильно, и вскоре стали некоторые курсанты наведываться к военным строителям и там, то ли выменивали на что-то, то ли просто покупали по дешёвке банки с краской, а возможно и просто «экспроприировали». Сие не так важно. Важно, что за такую принесённую банку «несун» получал от Кузи заветную «увольнительную записку» и команду отнести банку в каптёрку.

Через время, когда, по расчётам хозяйственного ротного, в каптёрке набралось достаточно краски, направился он в каптёрку, чтобы оценить объём «покрасочного материала». Но, к своему изумлению, обнаружил в наличии всего три или четыре банки краски. Тут Кузя понял, что его просто дурили, предъявляя одни и те же банки по несколько раз...

В один из дней апреля на каком-то батальонном построении комбат объявил нам, что мы девятого мая, на День Победы будем выступать на центральной площади Ставрополя с оружейными приёмами. И стали мы почти каждый день по утрам тренироваться на плацу этим самым приёмам. Брали в руки автомат, проделывали с ним различные движения, типа – «Бей! Коли! На пле-чо!». Развороты в движении и многое другое. Замотались мы с этими автоматами, а Лёлик не унимается, лично проводит тренировки. Накануне выступления отобрал комбат лучших, по его мнению. Я в это количество не попал. А «счастливыцы» в День Победы шагали на площади с автоматами, демонстрировали зрителям мастерское владение оружием и, как говорят, даже сорвали аплодисменты. Это даже показывали по местному телевидению.

09.05.74 – г. Ставрополь – В День Победы на пл. Ленина.

Июнь, жарко. После сампо устроились как-то с Саней Горошко на траве на краю стадиона в тени тополей. Он книжку читает, я делаю первую запись в своём дневнике. Вообще-то не раз наши командиры и «политрабочие» говорили нам о том, что ведение всяких записей или дневников запрещается. Но, всё же я решил завести... Вести дневник придётся «редко и тайно». Прошу Саню сказать что-нибудь, так сказать, «для истории», и слышу: -

– Скоро ужин. Война войной, а...ужин по распорядку.

Я с Саней согласен.

На «штурманской подготовке» Ромашов, начальник кафедры и сам бывший лётчик, нам дал «совет» – не жениться рано, и долго обосновывал его.

После занятий все разошлись «загорать», но недолго пришлось принимать «загар». Юрий Игнатьевич узнал об этом и приказал старшине собрать роту, но тот слишком долго её собирал и не успел прогнать нас на километре, как было ему приказано. Ю.И. страшно «разгневался» и пришлось нам делать два круга вокруг первого учебного корпуса. Потом он гонял нас по проспекту Науки:

– Кругом – Марш! Напра – Во! Нале – Во! – и так далее.

По окончании разразился речью, обещал до полётов погонять нас – «на пузе ползать». Тут под горячую его руку подвернулись Рома Султанов (Икас) и Миша Авраменко (Тихас). Встали они в строй уже с «нарядами».

Да, я совсем забыл – у нас за это время сменилось пять командиров взвода. Вначале был Щербухин, потом Митрофанов, потом Бутов, за ним Булавин, ну, и сейчас Перцев...

С утра сразу пошли в санчасть делать уколы холерной вакцины. И прививки против оспы. После занятий мы отправились по инициативе Ю. И. на плац:

– Шагом – марш! Кругом – марш! Раз-Два!левой!

Я заступил в наряд дневальным по роте, дежурным по училищу заступил подполковник Мисюра, это преподаватель с кафедры РТО, обладатель огромного телосложения и громкого голоса. На разводе рявкнул своё коронное «Здрст», а когда уходили с развода, оказалось, что барабанщики не умеют играть «Развод». Мисюра их чуть не съел...

Дневальничать я пошёл добровольно, чтобы 13-го не пойти на физо, ожидается зачёт. Со мной несут службу Миша Авраменко и Володя Бакаев (Шеф).

С утра не повезло. Доложил комбату вместо «дневальный за дежурного» – «дежурный за дневального». Он собрался сделать мне втык, но потом передумал. Ну, а я и не настаивал. Потом долбили в туалете «дырки» под новые «очки». Дневальство моё кое-как кончилось, на сампо не пошёл, а вскоре и наши вернулись.

Глава-7

Газовка -

Зачёты

Утром «схватил» от командира взвода капитана Перцева, одну неделю неувольнения за плохо почищенные сапоги. На занятиях по РТС слушали радиообмен прошлого года полётов Слепцовского полка и удивлялись, как там можно что-то понять!? Непрерывный шум, фразы неразборчивы. Спрашиваем у преподавателя:

– А можно послушать более качественную запись? – на что он нам отвечает:

– Это обычная нормальная запись, привыкайте!

После занятий объявили, чтобы прибыли с сампо в 16.50 – будем смотреть встречу Брежнева с избирателями. И вот, сидим в ленкомнате, надрывается телевизор, кто-то стучит на ударнике, кто-то читает. Короче, – кто, что хочет, то и делает.

На проверке старшина зачитал номера тех, кто будет 16-го июня голосовать, – я 41-ый. В воскресенье выборы. Будем кого-то куда-то выбирать.

На разводе Бурбовский сказал нам, что начальник училища запретил загорать на территории училища. Появилась такая «традиция», всё-таки июнь месяц. На РТС я, Юра Валезнев и Славик Гвозденко (Пан Инспектор) лазили по тренажёру РЭО (Радио Электронное Оборудование) самолёта МиГ-17. Бобрышев, преподаватель, за это дал нам работу и пообещал ещё поставить двойки.

Сегодня суббота, но увольнение забили и на сегодня, и на завтра, но потом Ю. И. милостиво разрешил увольняться по четыре человека из каждого классного отделения.

После ужина в поточной аудитории был концерт художественной самодеятельности девятой роты, это ШБУшники. Долго не отпускали их эстрадный ансамбль. Потом начался сильный дождь. Все, кто смотрел фильм в летнем клубе – ретировались, и я не завидовал увольняемым.

Бумага ещё утром сказал, что завтра день демократический и подъёма не будет. Но Ю. И. на проверке всучил нам по бумажке – «Поздравление» и объявил, что до семи часов «подъёма не будет», но все голосующие в шесть часов?! должны встать.

Проснулся без двадцати шесть от шума, некоторые уже ушли на избирательный участок, другие собираются. Пришёл туда в самом начале, у всех столов толкаются, взял два бюллетеня. Оказывается, мы выбираем депутатов в Верховный Совет. Висят плакаты, что – «Участвуя в выборах, ты участвуешь в управлении государством». Коля Зайцев, он тут вроде дежурного, «пожал ручку» и «поздравил». Опустил эти бюллетени в ящик и на том моё участие в управлении государством закончилось. Пришёл в роту, лёг досыпать. В семь часов пришёл Перцев и объявил подъём. Демократия на этом кончилась. Ожидается сегодня кино, культпоход и так далее, только спортивного праздника не хватает.

После завтрака сел в ленкомнате и переписывал конспект по Динамике полёта. Вылез оттуда только на обед, оказалось, что наши уже купили билеты в кино на 17.20 – у Миши

Лаврина оказался лишний билет. Смотрели в кинотеатре «Экран» фильм «Ради жизни на земле». А в училище после ужина смотрели ещё один фильм «Неподсуден».

Утром, сразу после зарядки, пошли на кафедру РТС (Радио Технические Средства). Собрали всех «двоечников» тренироваться по приёму на слух. Подполковник, преподаватель, всё убеждает нас, что приём на слух развивает координацию.

После занятий пришли в роту, мне письмо из Московской области, из какой-то в/ч, от Домарева, я сразу даже и не вспомнил, кто он такой. Как быстро всё забывается даже из недавнего прошлого. Это же мой одноклассник по 50-ой грозненской школе, Вовка Домарев. Пишет о себе, что служит, что делать в общем-то и нечего.

На сампо приходил Головин, преподаватель Аэродинамики, писали летучку, потом он нам сказал, что зачёт будем сдавать письменно. Будем писать все сразу, он в классе будет один. Это нас обрадовало.

Вечером получили «жалованье». Думали собрать ещё по два рубля на магнитофон, но потом Толик Сапелкин сказал, что напишет домой и ему пришлют его магнитофон. На этом варианте и остановились.

Завтра семинар по «лётной эксплуатации» и что-то вроде этого по РТС, сажу после отбоя в ленкомнате, учу проверку РЭО. Я тут не один, после отбоя всегда есть народ, пока не разгонит или дежурный по училищу или кто-нибудь из ротных офицеров. Можно ещё и наряд заработать

Утром, перед завтраком мы построились, но не было ещё старшины. Пришёл Ю. И., почитал мораль и пообещал «всесоюзной пахоты». Потом, когда пришёл старшина, Ю. И. доложил ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.